

«МАСТЕРА» И «ТУЗЕМЦЫ»: РАСКАПЫВАЯ ПРОШЛОЕ ДРУГИХ

КНИГА с таким несколько провокационным названием издана в прошлом году немецким научным издательством «Вальтер де Груйтер» (Walter de Gruyter GmbH), специализирующимся на издании академической литературы и существующим с середины XVIII века. Публикация стала возможной благодаря поддержке Швейцарской академии гуманитарных и социальных наук (SAGW), а также Института археологии и наук древности и межфакультетского отделения истории и религий в Лозаннском университете.

Структурно сборник разделен на пять частей с достаточно красноречивыми названиями:

1. Археология во времена империй: неравные переговоры и научная конкуренция;

2. «Мастер» / «Туземец»: есть ли победители? Микро-история взаимозависимых и нелинейных отношений;

3. Укрощение прошлого Других: евроцентрические научные инструменты;

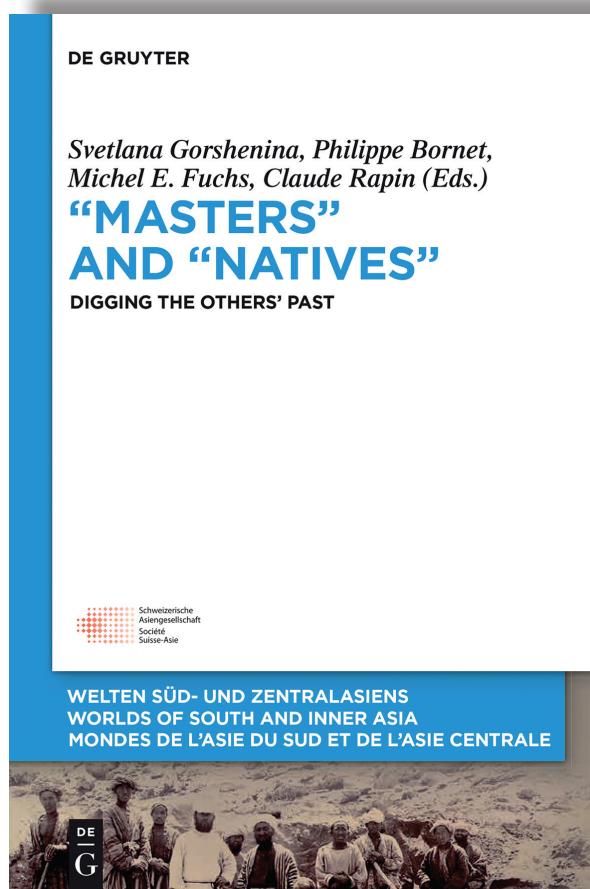
4. Формирование мифов: героические клише и (пере-) распределение ролей;

5. Смена ролей в постколониальном и неоколониальном контекстах: из отношений «мастера» и «подчиненные» к «партнерству»?

«Очерки, собранные в этом сборнике, - отмечает в своем кратком вступительном слове французский археолог и историк науки профессор Ален Шнапп, - документируют развитие археологии и встречу азиатских обществ с современной археологией. Эта дисциплина, без сомнения, является изобретением Запада, но на Востоке, как и в Америке, Океании или Африке, люди на протяжении тысячелетий поддерживали многочисленные связи с памятниками и прошлым, связи, которые современная археология склонна не замечать или даже игнорировать. К чести данной книги, она фокусируется на этих вопросах в доколониальном, колониальном и постколониальном мире».

Составители сборника уточняют мотивы и повод для его появления: «Биномиальное проти-

¹ Svetlana Gorshenina, Philippe Bornet, Michel E. Fuchs, Claude Rapin (Eds.). "Masters" and "Natives". Digging the Others' Past. Berlin: De Gruyter, Serie: Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia / Mondes de l'Asie du Sud et de l'Asie Centrale, 2019.

вопоставление «Мастеров» и «туземцев», написанных с большой буквы и без нее, создает неловкую ситуацию и тревожит. Неполиткорректная формулировка и её негативные коннотации были избраны специально с тем, чтобы привлечь внимание к двусмысленным отношениям, сложившимся между археологами, работающими на мировые державы, с одной стороны, и местным населением из стран, которые часто назывались вкуче – и произвольно – как «восточные» с другой. В рамках симпозиума, который состоялся в Университете Лозанны в январе 2016 года и название которого стало названием настоящей книги, мы поставили перед собой задачу подумать о типе отношений, которые являются в высшей степени весьма неоднозначными, мягко говоря, и, конечно же, постоянно меняющимися. Эта тема, как правило, не обсуждается в публичном пространстве и часто ограничивается молвой и слухами. Двадцать специалистов в области архе-

ологии, истории, кино и литературы, чьи очерки собраны здесь, имеют многолетний опыт работы за пределами Европы. Таким образом, все они хорошо осведомлены о том, что эти отношения, выходящие за рамки личной сферы, оказали глубокое влияние на проведение археологических и исторических исследований, и продолжают влиять».

Тем не менее, авторы не скрывают свой оптимизм и выражают надежду, что рано или поздно в рамках междисциплинарных проектов «члены международных команд и локальные коллеги» полностью заменят «Мастеров» и «туземцев» прошлого.

Редакция «Вестника МИЦАИ» обратилась к нескольким европейским археологам, которые не понаслышке знают Центральную Азию, высказаться по поводу проблемы, которой посвящен изданный сборник. Высказаться не в жанре рецензии, а в свободной форме изложить свои мысли по поводу «Мастеров» и «туземцев». Это голоса не сторонних наблюдателей, а непосредственных участников процесса, поэтому их суждения и оценки не просто интересны сами по себе, но дополняют и развивают картину, нарисованную авторами книги.

ГЛУБОКОЕ НЕРАВЕНСТВО В СТРУКТУРАХ ЗНАНИЙ

Фиона Кидд

Нью-Йоркский университет в Абу-Даби

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Руслана Мурадова написать о сборнике «“Мастера” и “туземцы”» поступило к концу учебного семестра, прерванного по всему миру из-за небывалого поворота событий. В небольшом гуманитарном колледже Нью-Йоркского университета в Абу-Даби (NYUAD), где я проживаю, распространение COVID-19 в середине семестра привело к резким изменениям - переходу от традиционной формы обучения в классе к онлайн-платформе. За вспышкой COVID-19 в ответ на системный расизм в США и во всем мире последовали глобальные протесты, связанные с жестокой смертью Джорджа Флойда 25 мая текущего года. Реакции и последствия этих двух событий продолжают ощущаться как на местном, так и на глобальном уровне; они подчеркивают глубокое неравенство в нашем обществе. В научных кругах эти события являют собой крайне необходимый катализатор для пересмотра вопросов неравенства в области знаний, исследований, публикаций и преподавания. Парадоксально, и в то же время почти во-

преки логике, эти события по своей сути высвечивают проблемы неравенства и несоответствий, которые говорят о наличии острого вопроса, а также критической платформы для рассмотрения множества тем, поднятых в «“Мастерах” и “туземцах”», тем самым подчеркивая важность этой статьи.

В сборнике «“Мастера” и “туземцы”» затрагиваются ключевые вопросы об истоках и неравенствах археологии, а также о том, как интерпретируется прошлое. Эти проблемы неразрывно связаны с колониализмом, особенно хорошо они известны в контексте ближневосточной археологии. Здесь хорошо задокументированы связи между археологией, верховной властью, государственностью и разведкой (для ближневосточной концепции см. *Bahrani* 1998; *Meskel* 2020). Например, в этих прениях масла в огонь подливают события в Сирии и Йемене. В целом, как отмечает К.Рапен, глобальное разделение между севером и югом пришло на смену неравенству, порожденному колониальными отношениями (*Masters and Natives* 2019: 336). Тем не менее, в публикациях на английском языке дискуссий на тему этих неравенств в контексте Центральной Азии, по сравнению с ситуацией на Ближнем Востоке, было гораздо меньше. Заслуга статей, особенно тех, что посвящены археологии в Центральной Азии, заключается в создании важной платформы для постановки этих вопросов в более широком евразийском контексте. В Центральной Азии, однако, связь между колониализмом и археологией варьируется. Конечно, она зачастую шла бок о бок с усилиями по созданию советской нации (*Masters and Natives* 2019: 141) и продолжает отдавать предпочтение белым (преимущественно евроамериканцам и русским) как археологам. Действительно, это неудачная концепция Индианы Джонса, являющаяся для многих людей за пределами научного мира археологии воплощением сущности археолога (см., например: *Hall* 2004). Однако в Центральной Азии термин «колониальный», как отмечают некоторые авторы, сыграл меньшую роль в советский и постсоветский периоды (*Masters and Natives* 2019: 339). Во многих отношениях археологическая деятельность в Центральной Азии приводит к сложным, но удивительным парадигмам. Расизм является одним из признаков, связанных с колониальной археологией, на что указывают И.Аржанцева и Г.Херке (*Masters and Natives* 2019: 136), и он, безусловно, продолжает существовать. Но, как они также отмечают, критическое различие в колониальной археологии в Центральной Азии заключается в том, что регион часто был домом для ученых и специалистов, бывших политическими

изгнанниками; они отмечают, что «советские археологи из столичных центров были такими же жертвами политической системы, как и коренные жители» – хотя, несомненно, эти две группы по-разному переживали политическую систему. Более того, И.Аржанцева и Г.Херке связывают с этой экспедицией в Центральной Азии существование прочной традиции женщин-археологов (*Masters and Natives* 2019: 153) – традиция, которая продолжается, несмотря на нынешний сексизм. Экспедиции советской эпохи, прежде всего довольно хорошо финансируемая Хорезмская экспедиция, в составе которой были различные междисциплинарные группы, работавшие в течение примерно шести десятилетий, вместе с ее замечательными открытиями, продолжают оказывать фундаментальное влияние на археологию Центральной Азии. Поэтому важно понимать политические, социальные и интеллектуальные рамки, в которых они функционировали. Многие из пунктов, рассмотренных в главе «Мастера» и «туземцы», глубоко перекликаются с моим собственным опытом и знаниями в регионе. В этой короткой рефлексивной части я расскажу о некоторых наиболее важных проблемах, связанных с этим неравенством, основываясь как на моем нынешнем понимании ситуации, так и на исследованиях. Моя дискуссия посвящена частям, которые непосредственно относятся к России, советской и постсоветской Центральной Азии – тем, что написаны С.Горшениной, И.Аржанцевой и Г.Херке, Б.Дженито и К.Рапенем.

Язык, общение и публикация

Одной из наиболее захватывающих глав является статья Клода Рапена «Публикация археологических находок на границе между Севером и Югом»; она включает в себя многие из вопросов, которые лежат в основе подготовки курса бакалавриата практически по любому аспекту археологии в Центральной Азии. Меня особенно волнует вопрос, касающийся доступности в области преподавания и исследований, а также воспитания будущего поколения археологов в Центральной Азии. Оцифровка архивов и библиотек, безусловно, помогает решить проблему доступности многих местных и российских журналов², однако язык остается ключевой проблемой. Язык – это проблема, над которой я глубоко задумывалась в контексте преподавания: в частности, как сбалансированным, доступным и стимулирующим

образом представить студентам на английском языке работы археологов советской и постсоветской эпохи, ученых-мужчин и женщин, а также исследователей из России, Центральной Азии, Европы, США, Австралии и все чаще Китая. Русский язык на сегодня является преимущественным в научном общении в Центральной Азии. В конечном счете он (и, на мой взгляд, французский) обязателен для основательных исследований в области археологии Центральной Азии. Многие основополагающие тексты для изучения археологии Центральной Азии написаны на русском языке и лишь в редких случаях были переведены (например, *Andrianov* 2016; *Tolstov* 2005). Много критической литературы публикуется в небольших местных журналах, таких как *IMKU*, – прежде на русском языке, но сейчас все чаще на узбекском. Кроме того, литература публикуется на разных европейских языках. Тем не менее, несмотря на разнообразие национальных групп, проводящих совместные раскопки в Узбекистане, и в целом очень сложную языковую ситуацию в постколониальной Центральной Азии, публикации на английском языке, ориентированные на широкий круг читателей, все чаще приветствуются по сравнению с другими языками. Конечно, эта ситуация благоприятствует преподаванию в евроамериканских университетах, особенно на уровне бакалавриата, но по-прежнему имеет место быть борьба за обеспечение того, чтобы различные голоса, которые внесли свой вклад в археологию Центральной Азии, были услышаны. Данная проблема представляется чрезвычайно важной, потому как такие различные мнения необходимы для того, чтобы помочь преодолеть эндемические предрассудки, формирующие академические круги, и в особенности навязанные стереотипы о «мастерах».

Есть и другие проблемы с языком, которые, конечно же, отражаются в постколониальном ландшафте. В Центральной Азии, по мере того как советская эпоха стала угасать, а современные политические отношения диверсифицировались, знание русского языка уменьшилось. Вместе с тем, как отмечалось выше, в Узбекистане наблюдается растущий интерес к публикациям и общению на узбекском языке, и возникает вопрос, насколько доступной будет для молодых ученых обширная литература Центральной Азии, созданная в досоветское и советское время. Языковой барьер также создает трудности в привлечении студентов к серьезному долгосрочному изучению Центральной Азии. Несмотря на то, что с середины двадцатого века английский язык стал доминирующим в элитарной науке во всем мире, не существует однозначного и обоснованного ре-

² Например, Цифровая центральноазиатская археология: <http://dcaa.hosting.nyu.edu/>; и недавно оцифрованный архив Галины Пугаченковой: <http://pugachenkova.net>

шения для этой дискуссии, которая должна учитывать различные мнения.

Существует необходимость добавить еще один важный момент, касающийся вопроса языка и публикаций, которые непосредственно влияют на научный мир: академический прогресс, особенно в условиях системы в США, требует научных статей на таком уровне, что еще не практикуется в Центральной Азии. Как отметил К. Рапен, научная ценность многих локально опубликованных журналов не признается в западной академической системе. Это высокое требование западного научного сообщества усиливает неравенство и указывает на явные различия в восприятии престижа по отношению к центральноазиатским научным публикациям. К сожалению, такая ситуация для ученых младшего и даже среднего звена может послужить сдерживающим фактором для публикации в этих местных журналах, несмотря на их существенную важность в поддержке научной грамотности и дебатов между севером и югом. Различия в научных требованиях могут также препятствовать совместному изучению. Опять же, это проблема, относящаяся ко многим другим постколониальным вопросам.

Историография – а чье прошлое?

Ключом к обсуждению «Мастеров» и «туземцев» является вопрос о том, как пишется прошлое: как оно воспринимается, кем и для каких целей. Историография обеспечивает еще одну критически важную структурную основу для рефлексий о Центральной Азии. Б. Дженито отмечает некоторые из присущих неравноправным отношениям проблемы, относящиеся к археологии, в том числе отсутствие возможности у местных жителей лучше понять свое прошлое, если археологические артефакты переданы в аренду западным институтам (*Masters and Natives* 2019: 322) – или, по крайней мере, то прошлое, что создано западными традициями археологии. Он выступает за меры по повышению осведомленности локальных сообществ о своем прошлом (*Masters and Natives* 2019: 322). Другой важный аспект касается академических рамок, которые часто используются учеными для понимания прошлого, но которые во многих отношениях практически исключают эти местные перспективы.

На ум приходят две такие структуры: исследования местности и система Шелкового пути. Региональные исследования, как правило, концентрировались на центральных источниках власти периода холодной войны: России, Китае, Индии и Иране. Центральная Азия расположена между этими четырьмя державами. В исторических ис-

следованиях, в частности, расстановка приоритетов этих «центров» была систематизирована путем сосредоточения внимания на региональных исследованиях, в которых современные национальные государства, и особенно сильные из них, а также ключевые игроки в холодной войне, образуют основные области исследований и публикаций (*Lockman* 2016; см. также: *Ludden* 2003). Как следствие, Центральная Азия осталась в значительной степени вне основных академических институциональных исторических программ, которые структурировали евроамериканский научный мир (*Van Schendel* 2002: 648).

Влияние региональных исследований на изучение Центральной Азии во многом укрепило традиционные подходы к изучению Шелкового пути и понимание функционирования процесса взаимообмена и миграционных маршрутов, формировавших жизнь в этом регионе на протяжении тысячелетий (для изучения см.: *Bentley* 2006). Как отметил Кристиан, привилегия текстовых источников при изучении Шелкового пути привела к «трансквилизационному» подходу к прошлому, когда в фокусе внимания оказались городские центры и центры сельскохозяйственного господства (*Christian* 2000). Исследование выдвинуло на первый план концепцию грамотных сообществ, потому как наличие текстовых источников способствует более непосредственному доступу к прошлому. Тем не менее, тенденция сосредотачиваться на господствующих странах на каждом отрезке взаимоотношений – на Китае и Риме – и на устоявшихся городских центрах между ними, наряду с более недавними интересами в сравнительных исследованиях держав, уменьшила критическую роль подвижных групп населения, формировавших этот обмен на протяжении всей истории Центральной Азии как попечителей и главных героев этих маршрутов. В двадцатом веке концепция Шелкового пути, охватывающая элитную торговлю шелком на большие расстояния, одновременно способствовала как ограниченному взгляду на Центральную Азию, поскольку она поощряла имперский / колониальный взгляд на эту торговлю, так и преимущественно восточно-западной точке зрения на историю и географию (*Rezakhani* 2010). Эта все более критикуемая позиция лишает регион его существенной роли в качестве связующего звена – или «тигля», как заявлял Резахани, – связывающего север, юг, восток и запад, и вместо этого делает его переходной зоной в имперской торговле предметами роскоши (*Rezakhani* 2010; *Selbitschka* 2018). Традиционное повествование о Шелковом пути во многом отражает тему «Мастеров» и «туземцев», ставя подвижное население в под-

чиненное положение и лишая их сотрудничества.

Локальная и глобальная, а точнее, макро- и микросвязь – важная тема в Центральной Азии. Идеи установления связи в древнем мире выражают идею о реальном и провокационном вопросе входа в Центральную Азию как в преподавании, так и в студенческих исследованиях. Эти локальные и глобальные опорные точки имеют решающее значение во многих отношениях, даже если за счет так называемой концепции Шелкового пути. Недавние сдвиги в исследованиях – как практически, сосредотачиваясь на археологической науке (которая в действительности всячески развивают перспективы для широких масс), так и интеллектуально – с «глобальным» акцентом – позволяют значительно расширить доступ к региону и способствуют более глубокому взаимопониманию между элитарными и неэлитарными сторонами. Переформулировка влияния обсуждаемых колониальных и советских времен как на развитие и историографию археологии Центральной Азии, так и на необходимость присутствия центральноазиатских голосов в данной переформулировке, является неотъемлемой частью любой дискуссии этого обширного региона, как это ясно видно из рассуждений на протяжении всей статьи о «Мастерах» и «туземцах».

Терминология

Терминология, будучи отдельным вопросом, тем не менее, связана с проблемами историографии. Бруно Дженито затрагивает тему документации «другого», относящегося к XVIII в. (*Masters and Natives* 2019: 323). Терминология, используемая в отчетах для документирования этих «других», конечно же, имеет отношение к различиям (с позиции западного наблюдателя) и несет в себе важные намеки на то, чьи непризнанные выводы часто остаются в нашем собственном лексиконе. Стратегия отчуждения воплощена в академических структурах. В своем введении к сборнику С. Горшенина и др. (стр. 10) отмечают, что «не могло быть и речи о том, чтобы позволить “туземцам” свободно высказываться о своем прошлом, и этот материал остается свободным от навязывания им европейского словаря и европейских аналитических формул». В своей работе я отметила, что традиционный евроамериканский академический словарь используется неуклюже и едва ли может объяснить, например, разнообразие агропастушеского образа жизни в Центральной Азии, приписываемого термину «кочевник».

Фактически введение академической терминологии и ограничений академических дисциплин часто навязывалось в ущерб пониманию

Центральной Азии среди широких масс. Например, размытая линия между оседлым и подвижным образом жизни отражается материально – в архитектурном пространстве и окружающей среде. Строгое разделение между подвижным и малоподвижным населением привело к тому, что ученые связали долговечную архитектуру с оседлостью, но это не всегда так. Существует три изложенных упоминания о жилищных условиях: в суровую зиму 921-922 гг. в Хорезме Ибн Фадлан рассказывает о том, что он спал «в доме, внутри которого был еще один, во внутренней части которого была тюркская войлочная палатка». Путевые заметки девятнадцатого века, описывающие подвижное население в районе Хивы, четко связывают как глиняную архитектуру, так и юрты или палатки с мобильностью. Николай Муравьев сообщает в 1820-1821 годах, что большинство узбеков (то есть жители Хивы) живут в кочевых домах из войлока и странствуют круглый год. Даже богатые люди, которым принадлежит несколько домов, живут в палатках (кибитки), потому что они к этому привыкли. А их постоянные дома сделаны из глины и не имеют особых архитектурных особенностей. Дома дешевые и построены очень быстро. Несмотря на то, что такие конструкции очень хрупкие, из-за редких дождей они могут простоять долго (*Муравьев* 1822)².

Это описание отражено, наконец, в замечаниях А.М. Хазанова о том, что «постоянные жители городов любого происхождения» в Центральной Азии используют юрты в летние месяцы, чтобы избежать жары. Это смешение «горожан», спящих в юртах, и подвижных и неподвижных архитектурных пространств подчеркивает трудности разделения групп, практикующих разные образы жизни, в рамках академической терминологии. Развитие исторических и археологических / антропологических концепций того, как на самом деле жили подвижные группы населения, расширяет научное понимание этого населения, демонстрируя их глубокую интеграцию. Местные широкие слои населения призваны сыграть здесь решающую роль в продвижении более инклюзивной терминологии для определения образа жизни.

Вывод

Археология может внести большой вклад в дискуссии о неравенстве в области знаний, исследований, публикаций и преподавания именно из-за ее способности включать разнообразные – материальные и нематериальные – источни-

² Ч. II, гл. 5: <http://kungrad.com/history/biblio/mur/>

ки в понимание прошлого. Многие замечания здесь отражают позицию авторов «Мастеров» и «туземцев», выступающих за право голоса центральноазиатских стран, которые должны реконструировать свое прошлое. С совершенно другой точки зрения, в ближайшие годы будет важно лучше понимать растущий интерес Китая и Восточной Азии к Центральной Азии. Важным является понимание историографии дисциплины и развития, в которой проводятся исследования, потому как оно способствует более глубокому осмыслению динамики, в которой развиваются исторические стереотипы – в конце концов, тенденции в науке всегда связаны с более широкой геополитикой. Взгляды широких масс на археологические исследования в Центральной Азии способствуют приятию и пониманию этих голосов. Так или иначе, англоязычный посыл «Мастеров» и «туземцев» гарантирует, что это исследование может быть доступно для большой и конкретной группы студентов на уровне бакалавриата (включая выпускников). Выбор языка публикации изначально ориентирован на целевую аудиторию. В сущности работа предлагает критический трамплин для повышения осведомленности о сложностях «колониальной» археологии в Центральной Азии и пересмотра глубокого неравенства в области знаний, исследований и публикаций центральноазиатской археологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Муравьев* 1822 – Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров Августа Семена. 1822. <http://kungrad.com/history/biblio/mur/>
- Andrianov* 2016 – Andrianov B. V. Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea area: the history, origin, and development of irrigated agriculture. Edited by Simone Mantellini. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2016.
- Bahrani* 1998 – Bahrani Z. Conjuring Mesopotamia: Imaginative geography and a world past. *Archaeology under fire: Nationalism, politics and heritage in the eastern Mediterranean and Middle East*. L. Meskell. London, Routledge, 1998. PP. 159-174.
- Bentley* 2006 – Bentley J. H. Beyond modernocentrism. Towards fresh visions of the global past. Contact and Exchange in the Ancient World. V. H. Mair. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. PP. 17-29.
- Christian* 2000 – Christian D. "Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History." *Journal of World History*. 11(1). 2000. PP. 1-26.
- Hall* 2004 – Hall M. "Romancing the stones: archaeology in popular cinema." *European Journal of Archaeology*. 7

(2). 2004. PP. 159-176.

- Lockman* 2016 – Lockman Z. *Field Notes. The making of Middle East studies in the United States*. Stanford: Stanford University Press, 2016.
- Ludden* 2003 – Ludden D. Why area studies? Localizing Knowledge in a Globalizing World. A. Mirsepassi, A. Basu and F. Weaver. Syracuse University Press, 2003. PP. 131-136.
- Masters and Natives* 2019 – "Masters" and "Natives". Digging the Others' Past. Svetlana Gorshenina, Philippe Bornet, Michel E. Fuchs, Claude Rapin (Eds.). Berlin: De Gruyter, Serie: Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia / Mondes de l'Asie du Sud et de l'Asie Centrale, 2019.
- Meskell* 2020 – Meskell L. Imperialism, internationalism, and archaeology in the un/making of the Middle East. *American Anthropologist*. 2020.
- Rezakhani* 2010 – Rezakhani K. "The road that never was: the Silk Road and trans-Eurasian exchange." *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 30(3). 2010. PP. 420-433.
- Selbitschka* 2018 – Selbitschka A. *The Early Silk Roads*. Oxford Research Encyclopaedia, Asian History. 2018.
- Tolstov* 2005 – Tolstov S. P. *Following the tracks of Ancient Khorezmian Civilization*. Tashkent: UNESCO, 2005.
- Van Schendel* 2002 – Van Schendel W. "Geographies of knowing, geographies of ignorance: jumping scale in Southeast Asia." *Environment and Planning, D* 20(6). 2002. PP. 647-668.

РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ НА ПУТИ К БАЛАНСУ МЕЖДУ ПАРТНЕРАМИ

Элиз Луно

Германский археологический институт,
Евразийский отдел.

КНИГА «„Мастера“ и „туземцы“: копая чужое прошлое» дает редкую и ценную возможность для коллективного размышления о взаимоотношениях и проблемах международного сотрудничества в современной мировой археологии, особенно между европейскими и внеевропейскими учреждениями. Хотя деколонизация стала поворотным моментом в политическом сотрудничестве и управлении археологическими работами, проводимыми западными археологами в ряде развивающихся стран, тем не менее способы работы мало изменились, и неравенство сохраняется.

Эта моя реплика в обсуждении опирается на собственный опыт работы в качестве европейской женщины-археолога, ведущей исследования в Центральной Азии в течение 15 лет, примерно вдвое меньше времени, прошедшего с момента

распада Советского Союза. Обученная французскими археологами и в настоящее время работающая в Германии, я также имела возможность проводить большие отрезки времени в Центральной Азии, где помощь местных археологов была неоценима в моем обучении. В настоящее время я веду исследовательский проект в сотрудничестве с коллегами из Самаркандского государственного университета и Института истории, археологии и этнографии им. Ахмеда Дониша Академии наук Таджикистана. Я также сотрудничаю в нескольких международных проектах в Кыргызстане совместно с Университетом Манас и в Туркменистане совместно с Национальным управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана. Хотя ситуации в разных странах бывшего СССР различны, я в целом согласна с мнением, высказанным авторами «„Мастеров“ и „туземцев“».

Прежде всего, влияние, оставленное советской монополией на археологию этих стран, все еще отчетливо видно в различных формах (географических, институциональных, лингвистических, методологических, технических и культурных). Как рассказывают авторы, советская археология прошла через различные этапы, которые позволили добиться значительного прогресса, но кризис, ознаменовавший конец советского периода, также сильно ухудшил функционирование местных археологических учреждений и укрепил отношения зависимости. Как резко писал Франц Фанон⁴, общества, освобожденные от колониализма, оказываются истощенными, и необходимо время, чтобы вновь развивать ресурсы и творчество. Мне кажется, что Центральная Азия прошла это окно. Коллеги и студенты полны большого энтузиазма и готовы приобрести новые навыки для разработки современных археологических инструментов и методов, чтобы интегрироваться в цифровой мир и получить доступ к знаниям. Однако экономические, а иногда и административные ограничения, с которыми они сталкиваются, являются реальными и сильными. Технические и методологические разногласия между местными и иностранными сотрудниками, вызванные дифференциальным доступом и набором навыков, могут быть быстро преодолены, особенно устремленным в будущее поколением, если будут устранены серьезные препятствия неокOLONиализма.

Так называемая постколониальная система, основанная на несправедливом мировом порядке с западной монополией, на самом деле не

более благоприятна, чем советская система, для местных археологов и основана на неравном сотрудничестве между научными партнерами. Экономическое, финансовое, культурное и символическое господство, осуществляемое западными государствами и (в определенной степени) Китаем над остальным миром, также проявляется в археологии. Например, следует признать, что археологические исследования в Европе проводятся только европейскими странами, в то время как значительная интернационализация представлена в подавляющем большинстве «южных» стран, которые следуют ранее установленным колониальным моделям. В дополнение к очевидному экономическому и финансовому господству, необходимо также признать культурное и символическое господство, а также старый, но все еще очень сильный евроцентризм⁵. Возможно, банальный, но показательный пример: нередко встречаются люди в Центральной Азии со знанием европейской истории и литературы, в то время как общие знания западноевропейцев по Центральной Азии в основном отсутствуют – просто попросите их показать бывшие советские государства на карте мира.

Более того, вопреки общему антиимпериалистическому осознанию и перетасовке карт во время постсоветской деколонизации, отношения международного научного сотрудничества в настоящее время страдают от экономического ультралиберализма, который поддерживает и еще более усиливает неравенство между местными и иностранными специалистами. Например, он способствует научной конкуренции между исследователями и / или лабораториями, в которых заграничные центры имеют тенденцию становиться местом „научного“ противостояния между так называемыми центрами передового опыта, в основном расположенными на Западе. Параллельно с вопросами, касающимися публикаций, упомянутых К. Рапеном, несмотря на профессиональные и дружеские связи, налаженные в течение многих лет между различными партнерами, международные археологические проекты в Центральной Азии широко предлагаются и осуществляются исследователями из ведущих мировых держав (Европы США, Китая, Японии и т. д.), в то время как в Центральной Азии у нас нет денег на поддержку проектов или таких же возможностей для получения западного финансирования.

Таким образом, с распадом Советского Союза культурное господство, скорее всего, было

⁴ Fanon F., Les damnés de la terre, Paris, François Maspéro, 1961.

⁵ Goody J., Le vol de l'histoire. Comment l'Europe a imposé le récit de son passé au reste du monde (The Theft of History), Paris, Gallimard, 2010.

смещено, а не устранено. Например, преобладание русского языка было заменено английским с опасностями такой новой монополии, представленной в статье К. Рапена. Хотя у молодого поколения археологов сейчас больше возможностей для получения образования на английском языке, очевидно, что изучение языка остается препятствием для всеобщего обозрения результатов и взаимодействия различных научных точек зрения. Академическое единообразие, навязанное западным миром, также формирует умы и формирует карьеру, одновременно подавляя свободу, разнообразие и (ре) конструирование местных археологий.

Лингвистический вопрос особенно актуален для развития знаний и повышения качества исследований. С одной стороны, распространение информации в настоящее время во всем мире расширилось благодаря открытым социальным сетям. Что касается моей собственной темы исследования «Цивилизации Окса бронзового века», то только в последнее время знания об этом главном культурном объекте, который был обнаружен более 50 лет назад и представляет те же социальные процессы, которые уже хорошо известны на примере Месопотамии, распространились среди широкой аудитории, за пределами самой Центральной Азии. Только в этом году появился подробный англоязычный сводный сборник статей, специально посвященный этой культуре, в котором рассматриваются различные археологические точки зрения и даются ссылки на данные, доступные только на русском языке⁶. Предыдущие анализы часто включались в тома, посвященные конкретным культурным аспектам (искусству), более широкой географической или хронологической структуре. Тем не менее, с другой стороны, сохраняется риск увеличения языкового разрыва с течением времени. Нередко встречаются данные или теории, ранее выдвинутые русскоязычными археологами, в англоязычных работах, почти не упоминающих русскоязычную литературу. Это, вероятно, имеет несколько причин: сложность доступа к большей части русскоязычных источников, отсутствие языковой подготовки, безразличие или предвзятость по отношению к более старым публикациям и гонка за публикациями, которая часто ограничивает неизбежно долгое взаимодействие с предыдущими данными. Поэтому важно сделать результаты международных проектов доступными для всех. В связи с этим мы можем только приветствовать усилия нескольких исследователей, в том чис-

ле В.И. Сарияниди, опубликовавших несколько работ с отчетами о результатах своих раскопок в Гонур-Депе на трех языках (туркменском, русском и английском), и Н.А. Аванесовой, которая перевела свою книгу, посвященную раскопкам в Бустане, на английский язык. Несмотря на дополнительные затраты и время, эти инициативы будут весьма приветствоваться в ответ на западные публикации.

Даже если устойчивость асимметричных паттернов в отношениях сотрудничества связано с прошлым, за которое мы не несем прямой ответственности, оно также в значительной степени является частью современной экономической и политической системы, в которой мы сейчас работаем. По словам Б. Дженито, что-то должно измениться, чтобы преодолеть эти дисбалансы. Настало время спросить себя, когда это будет разрешено и возможно, когда жители Центральной Азии будут индивидуально и коллективно использовать средства местной археологии путем обретения полной независимости, а жители Запада – отказаться от своих интересов и привилегий, основанных на асимметричных отношениях. Это тем более актуально, когда доминирующая модель экономического развития поощряет разделение правительств и сокращение государственных средств на различные фундаментальные исследовательские проекты (которые формально считаются ключевыми национальными символами престижа и культурного влияния). Такая тенденция в значительной степени угрожает международному сотрудничеству и исследовательской независимости. Например, национальные исследовательские центры за рубежом, такие как Французский институт центральноазиатских исследований, с которым я была связан во время моей докторантуры, являются местами встреч и обмена между международными исследователями и основными узлами для многосторонних связей. Исчезновение или сокращение таких центров по политическим и финансовым причинам, несомненно, наносит серьезный ущерб развитию диалога и развитию международного сотрудничества.

Мы все, местные и иностранные исследователи, играем важную роль как инициаторы и акторы размышлений и решений на будущее. К ним должны быть обязательно привлечены коренные жители для развития необходимой экономической и научной независимости, позволяющей отстаивать свою роль в осуществлении проектов и написании истории, избегая при этом соблазна националистического ухода, который всегда делается в ущерб науке. Эта эволюция также включает в себя защиту и действия для идеоло-

⁶ *Lyonnaise B. and Dubova N. (ed.), The World of the Oxus Civilization, London, Routledge, 2020.*

гического поворотного момента и значительного изменения экономических моделей со стороны западных держав, оставляя равное пространство и средства для различных культурных конструкций и идентичностей. Именно из-за разнообразия подходов может возникнуть баланс между различными партнерами, отражающий многообразие мира и богатство «глобальной» истории⁷.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Марек Ян Ольбрыхт

Жешувский университет, Польша

КНИГА содержит важные идеи и иногда красочные комментарии о развитии археологии в странах, охватывающих памятники древних цивилизаций от Греции до Индии. По причинам личного интереса я сосредоточусь на отдельных статьях.

Типичный случай археолога-любителя в зависимых и колонизированных странах описан в статье Карла Ребера о «краже» элевсинской богини английским путешественником и писателем Эдвардом Даниэлем Кларком в Элевсине под Афинами в 1801 году. С разрешения турецкого губернатора Афин Кларк привез элевсинскую богиню в Англию, где она до сих пор является частью коллекции Музея Фицуильяма в Кембридже. Его приобретение было сделано вопреки воле греков Элевсина, которые почитали образ Святой Деметры. Карл Ребер указывает на английских «мастеров», но здесь речь идет о сотрудничестве Кларка с турецкими «мастерами» – османскими чиновниками.

Ирина Аржанцева и Генрих Херке посвятили главу фигуре Сергея Толстова, знаменитого археолога, известного своими открытиями в Хорезме и прилегающих районах («Генерал и его армия»: столичные и местные жители в Хорезмской экспедиции»). С согласия и при поддержке сталинского режима Толстов создал Хорезмскую экспедицию Академии наук СССР, которая работала в Средней Азии с 1937 по 1991 год. Советские республики этого региона были сильно опустошены, а их население уничтожено террором большевистской революции и войной сопротивления, что велась коренными народами. Затем наступил ужас сталинских времен. При таких обстоятельствах в 1937 году С.П. Толстов начал свою карьеру в качестве главного деятеля археологии в Сред-

ней Азии. Помня о затруднительной политической ситуации Толстова, мы все же должны признать, что он многое сделал для археологии Узбекистана, Туркменистана и частично Казахстана, в том числе создал возможности продвижения по службе для местных исследователей.

Авторы справедливо утверждают, что «Хорезмская экспедиция стала для среднеазиатских студентов дорогой к высшим ступеням советской археологии либо непосредственно, работая в экспедиции, либо при содействии Толстова войдя в академические учреждения в центрах. Этот аспект сыграл важную роль в создании основ центральноазиатской школы советской и, в конечном счете, постсоветской археологии». Одним из таких случаев был Хемра Юсупов (1936-2018), туркменский археолог, не названный в исследовании. Почти отсутствует в книге Вадим Ягодин (1932-2015), связанный с Нукусом и археологией Каракалпакстана (одно из его достижений – раскопки миздахканского кладбища). Он начал также свои полевые работы в экспедиции Толстова. Авторы объясняют, что «довольно много российских и украинских историков, антикваров и археологов, бывших активными в Средней Азии, были посланы туда советским режимом по политическим причинам». В целом, хотя деятельность и повестка Хорезмской экспедиции демонстрировали черты «колониального» характера, она способствовала созданию национальных школ археологии и этнографии в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане.

Здесь можно добавить, что между толстовской школой и окружением Михаила Массона (1897-1986) существовало своего рода соперничество. Массон, базируясь сначала в Самарканде, а затем в Ташкенте, сыграл решающую роль в развитии археологии Узбекистана и Туркменистана, как и его (вторая) жена Галина Пугаченкова (1915-2007) и сын Вадим Массон (1929-2010). М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова были, в свою очередь, учителями Э.В. Ртвеладзе.

Клод Рапен обращается к теме «Публикация археологических находок по обе стороны границ “Север” – “Юг” (на примере из Центральной Азии)». Он показывает проблемы с публикацией результатов исследований в Узбекистане в советский период. В настоящее время возникают создаваемые западными объединениями новые трудности и препятствия в распространении научной информации – они готовы поглощать научные публикации, посвященные археологии Центральной Азии, но записывать их в платных системах. Рапен подчеркивает важность инициативы Поля Бернара, решившего передать все артефакты, обнаруженные на городище Ай-Ханум,

⁷ Chakrabarty D., *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton, Princeton University Press, 2000.

афганским музеям, тем самым «отказавшись от более ранних практик, которые, например в случае с сокровищами из Беграма, оставляли половину открытий во французской собственности».

Светлана Горшенина рассматривает вопрос «русских археологов, колониальных администраторов и “коренных жителей” Туркестана: пересмотр истории археологии в Центральной Азии». Она подчеркивает, что первые европейские или русские ученые и исследователи в Центральной Азии не могли проводить какие-либо исследования старых мест и памятников без помощи местных гидов. По ее словам, «местные ученые приняли на вооружение западные подходы к патримониализации, принижая тем самым уже существующие взаимоотношения среднеазиатской среды со своим собственным прошлым».

Аньес Борде Мейер представила обзор развития археологии в Иране и Афганистане («От надзора к независимости в археологии: сравнение иранской и афганской стратегий»). Автор приводит много интересных деталей о взаимодействиях между академическими кругами в Иране и Афганистане, а также соответствующей политике западных держав. Автор утверждает, что «Иран использовал свои возможности ведения переговоров для создания ультранационалистической археологии». Термин «ультранационалист» является довольно странным в этом контексте, когда речь идет об усилиях Ирана по созданию эффективной системы защиты культурного наследия. Первым европейским организатором институциональной археологии в Иране был Эрнст Герцфельд (в 1920-е годы). Афганистану приписывается политика «считать археологию международным делом и расширять свою институциональную и научную структуру».

Бруно Дженито посвятил свою статью развитию археологии в Иране и Центральной Азии («Раскопки в Иране и Центральной Азии: сотрудничество или конкуренция?»). В его статье термин «национализм» используется неоднократно. По мнению Дженито, национализм, колониализм и археология уже давно находятся в тесной взаимосвязи. Местная археология в Иране пережила кризис в 1980-х годах из-за внезапного разрыва с западными учеными и других приоритетов нового государства. В 1986 году была основана Организация по культурному наследию, народным промыслам и туризму Ирана (ИЧНО), которая занималась археологическими раскопками и исследовательской деятельностью в стране. В последние десятилетия было возобновлено сотрудничество с учеными из Европы. Что касается советской Центральной Азии, то Дженито справедливо указывает на соперничество и отсутствие

сотрудничества между Институтом археологии Академии наук СССР в Москве и его филиалом в Ленинграде, а также их партнерами и сотрудниками в Средней Азии.

Тьерри Люгинбюль демонстрирует «Перестановку ролей: индуистская “этноэкспертиза” западных археологических материалов». Университет Лозанны организовал «программы этноархеологических исследований» в Непале и Северной Индии с целью документирования различных религиозных, ремесленных и бытовых феноменов. По словам автора, это исследование развивает «новый подход, описываемый как “этноэкспертиза”». Он заключается в том, чтобы предоставлять археологические документы местным специалистам: к примеру, «священникам-брахманам – те, что касаются религиозных вопросов, или традиционным гончарам – о гончарном деле».

В целом, книга раскрывает важные этапы развития археологии в Азии. В то же время она показывает, как использовались некоторые клише, относящиеся к развитию местных школ археологии и национальных археологических систем защиты, а также западные подходы к археологии.

ЯЗЫКИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Михаил Шенкар

Еврейский университет в Иерусалиме

Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями о важной статье Клода Рапена об использовании и иерархии языков археологии Средней Азии⁸.

Рапен справедливо предупреждает нас об опасностях, связанных со всё возрастающим влиянием английского языка. В этом смысле среднеазиатская археология является только отражением глобальных изменений, затрагивающих всю гуманитарную научную сферу (похоже, в естественных и точных дисциплинах английский уже полностью вытеснил все другие языки). В равной степени верно и наблюдение о печальной тенденции полагаться на английские резюме вместо публикаций на языках оригинала, также характерной для многих областей гуманитарных наук. Возможно, пример, выбранный Рапеном для иллюстрации этой проблемы, не самый удачный,

⁸ Rapin, C. (2019), “Publishing an Archaeological Discovery astride the ‘North’-‘South’ Divide (On an Example from Central Asia)”, in Gorshenina, S. et al. (eds.), *Masters and Natives: Digging the Others’ Past*, Berlin, 336-360.

поскольку разногласия между ним, Эдуардом Ртвеладзе и Джеффри Лернером о древнем названии Ай Ханума не являются следствием языковой иерархии (*Masters and Natives* 2019: 350-351). Тем не менее, нельзя не согласиться с Рапеном в том, что «... среди широко растиражированных публикаций заметно превосходство единого западного языка, хотя по качеству они не обязательно должны рассматриваться как непременно превосходящие “восточные” публикации» (*Masters and Natives* 2019: 351). Более того, стоит подчеркнуть: публикации на русском языке не только могут оказаться лучшими, фактически, во многих случаях они являются основополагающими для среднеазиатской археологии. Незнание русского языка чревато построением ложной и неполной картины изучаемого вопроса. В качестве примера можно привести дебаты о кочевом происхождении парфянских Аршакидов (247 г. до н. э. – 224 г. н. э.) - самой долго правящей династии в истории Ирана и создателей одной из величайших империй древнего мира, соперничавшей с Римом. Как заметил Валерий Никоноров, западные ученые, отрицающие присутствие и важность кочевых элементов и их влияние на парфянскую культуру, вероятно, просто не знакомы с результатами археологических исследований на родине парфян (современный Туркменистан), которые публикуются на русском языке⁹.

Во вступлении к изданию составители сборника отмечают, что статья Рапена демонстрирует, как «неравные отношения были (и остаются) увековечены в научных публикациях. Ценность новых исследований, по сути, определяется наличием ссылок на западные публикации, а публикующиеся на месте работы на «местных» языках, фактически остаются вне научного осмысления» (*Masters and Natives* 2019: 13). Эта проблема характерна не только для археологии Средней Азии, а скорее относится к академическому миру в целом и его нынешней системе ценностей и оценок. Однако для профессионалов ни одна публикация по археологии постсоветской Средней Азии, не учитывающая исследования, изданные на русском языке, не может считаться серьезной и ценной.

Основным и наиболее важным «сырьем» в работе каждого археолога являются отчеты о раскопках. Проведение содержательного и профессионального исследования невозможно без

работы с этими отчетами на том языке на котором они изданы. Английские резюме не могут адекватно и полно представить всю информацию, содержащуюся в отчетах. Конечно, в отдельных случаях, краткое изложение материала и выводов может оказаться полезным для ученых, работающих в некоторых смежных областях, но никак не для самих специалистов по археологии Средней Азии. Как правило, результаты раскопок в республиках Средней Азии, по-прежнему публикуются на русском языке, в дополнение к неуклонно растущему числу публикаций на национальных языках – сравнительно новой тенденции, которую можно только приветствовать. Несомненно, это положение дел сохранится и в ближайшем будущем. Как бы то ни было, основополагающие советские публикации, очевидно, не будут переводиться на английский язык. Таким образом, русский язык и в дальнейшем будет оставаться основным языком для любого, кто желает углубленно и непосредственно изучать археологию Средней Азии. Русский язык – это язык, который должны знать все работающие в регионе археологи, вне зависимости от их аффилиации и происхождения. Русский также остается своего рода *лингва франка* для всего региона: многие ученые, особенно люди старшего поколения, плохо владеют английским языком. На сегодняшний день, русский язык является единственным языком общения между учеными из разных республик Средней Азии. Одной из главных причин успеха узбекско-французских археологических миссий (MAFOUZ) и лидирующего положения французской школы среднеазиатской археологии было внимание, уделявшееся французскими археологами изучению русского языка. Достижения французской школы сделали французский язык незаменимым для исследования многих периодов в истории Средней Азии, таких как эллинистический и согдийский. В идеале, специалистам по археологии Средней Азии нужно обладать и навыками чтения на государственном языке республики, в которой они работают. Все больше и больше предварительных отчетов о раскопках и статей публикуется в местных журналах на таджикском, узбекском, кыргызском, казахском или туркменском языках.

Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что для того, чтобы древняя Средняя Азия стала доступна специалистам других областей, чтобы дать им возможность познакомиться с регионом и включить наши выводы в свои исследования, мы должны публиковать их на английском языке. После обретения независимости, в среднеазиатских республиках стало появляться все больше двуязычных или трёхязычных публикаций. Это

⁹ Никоноров В.П. К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана) // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов межд. науч. конф. Алматы: 2010.

тенденция, которую можно только приветствовать и которая, казалось бы, способна охватить более широкую аудиторию, зачастую не оправдывает ожиданий. Часто возникает ощущение, что многие английские переводы делаются исключительно ради «престижа». Их уровень таков, что зачастую они просто бесполезны. Лучшая видимость среднеазиатской археологии может быть достигнута не за счет создания бóльшей массы английских текстов, но только благодаря созданию по-настоящему оригинальных текстов на хорошем английском языке.

В своей статье Клод Рапен посвящает несколько страниц неадекватному уровню многих публикаций (*Masters and Natives* 2019: 355-360). В отличие от советского периода, когда издательская деятельность была строго регламентирована, сегодня у всякого исследователя существует множество вариантов и научных площадок для публикации своих работ. Теоретически, каждый ученый, имеющий доступ к интернету, может опубликовать в статью в любом журнале мира, и поделиться своими исследованиями на множестве открытых платформ, таких как academia.edu, researchgate.net и т.д. На практике, однако, ученые из Средней Азии сталкиваются с многочисленными трудностями, которые значительно препятствуют тому, чтобы извлекать пользу из бесконечных возможностей нового «цифрового мира» (*Masters and Natives* 2019: 360-361).

На мой взгляд, одной из главных проблем области является отсутствие специализированного, авторитетного международного журнала по среднеазиатской археологии. Такое издание помогло бы кристаллизации археологии Средней Азии как самостоятельной научной дисциплины. Как отмечает К.Рапен, «такие темы, как эллинистические исследования, в Средней Азии наименее рентабельны, они разбросаны по слишком разным типам публикаций, что не даёт возможности составить представления о контексте их написания и делает их практически невидимыми» (*Masters and Natives* 2019: 349). Наиболее близким к такому типу журнала было издание *Silk Road Art and Archaeology: Journal of the Institute of Silk Road Studies*.

К сожалению, публикация журнала прекратилась после всего десяти выпусков, однако содержащиеся в них статьи остаются одними из самых цитируемых и влиятельных в своей области. Возможно, пришло время создать флагманский международный журнал, посвященный археологии Средней Азии, который обеспечил бы подходящую платформу для публикации новых полевых исследований и оригинальных научных работ. Представляется, что это будет способствовать

укреплению области, ее видимости и установлению высоких академических стандартов. Для обеспечения соответствия статей этим стандартам в редакционную коллегию должны войти ведущие специалисты из республик Средней Азии, России и Западных стран. Я предлагаю, чтобы журнал публиковал статьи на английском, русском и французском языках.

На профессиональных встречах и при личном общении примером успешного преодоления языковых препятствий может послужить недавняя конференция *Cultures in Contact: Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*, организованная университетом Берна и Обществом по исследованию Евразии в Швейцарии в феврале 2020 года (в которой участвовал также и Клод Рапен). Синхронный русско-английский и англо-русский перевод осуществлённый при поддержке МИЦАИ, позволил каждому участнику конференции следить за презентациями на обоих языках и участвовать в дискуссиях в режиме реального времени.

Видимость нашей области также зависит от более крупных мировых тенденций. Если в будущем политическая, экономическая и культурная значимость Среднеазиатского региона продолжит расти, можно будет ожидать и роста интереса к археологии и культурному наследию Средней Азии. В качестве примера можно привести проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» (<http://c-legacy.uz/en/main-5/>), который в настоящее время успешно служит этой задаче.

Наш долг как ученых состоит в том, чтобы популяризировать регион и саму дисциплину в академических и общественных кругах, готовить перспективных студентов и стремиться создавать больше академических программ, стипендий и позиций в области среднеазиатской археологии. Приоритетом сотрудничества между учеными и институтами Запада, Российской Федерации и Средней Азии должны быть инвестиции в людей. И здесь MAFOUZ проложил путь и показал пример, которому должны следовать и другие международные проекты и экспедиции.

Мы не можем надеяться на серьезные изменения в преодолении трудностей, с которыми сталкиваются ученые из стран Средней Азии, пока профессия археолога снова не станет привлекательной для местной молодежи. К счастью, некоторые страны уже предпринимают шаги в этом направлении, и все люди, интересующиеся археологией Средней Азии и увлеченные ее богатым и разнообразным древним наследием, должны объединить усилия, чтобы улучшить ситуацию, описанную в актуальной и важной статье Клода Рапена.

АЗИЯ ТЕПЕРЬ НЕ ТА

Микеле Минарди

*Центр античной и восточной археологии,
Институт классического Востока и
античности, НИУ ВШЭ, Москва.*

Я с большим удовольствием получил экземпляр этой книги и, по иронии судьбы, это случилось в идеальных условиях для обдумывания ее содержания – во время моего карантинного периода в Москве, связанного с COVID-19.

Как итальянский археолог, чья деятельность в основном сосредоточена в Узбекистане, но в настоящее время работающий в России, а также будучи участником совместной Каракалпакско-австралийской экспедиции (Нукус и Сидней), я считаю целесообразным начать данную краткую аннотацию с этой скромной автобиографической заметки, поскольку я сам являюсь своего рода хорошим примером того, насколько сильно изменилась Центральная Азия за последние десятилетия, и как уже международная научная и коллективная деятельность в области археологических исследований (включая, как выразились в книге Ирина Аржанцева и Генрих Харке, «местных и столичных жителей») в целом еще больше повысили свою степень «интернационализации». Наиболее очевидная причина этого изменения – распад СССР. С одной стороны, это положило конец обширным советским рискованным начинаниям в регионе и позволило создать новые совместные проекты (было несколько исключений, касающихся советско-европейского сотрудничества, начавшегося в 1980-х годах, см. статью Клода Рапена в книге). С другой стороны, это привело к разделению деятельности на местах, когда местные и международные группы часто были вынуждены работать в значительно меньших масштабах, с более ограниченными средствами, чем в прошлом, с большим количеством деонтологических дилемм, с которыми нужно было иметь дело (что справедливо), и испытывая трудности в плане согласованности или диалога друг с другом, иногда даже не разделяя ту же методологию раскопок (но я не буду отвлекаться на этот вопрос).

Как справедливо подчеркнул Клод Рапен в своей статье, экономическое развитие – это разделительная черта между так называемым «первым миром» (термин, который соответственно изменил свое первоначальное значение) и теми странами, которые живут в постсоветскую и постколониальную эпохи. Поэтому исследователи, участвующие в совместных проектах, в кото-

рых западные институты являются партнерами принимающих сторон, несут ответственность за полное введение и своего рода адаптацию к ситуациям своих коллег, имеющих различные возможности для получения доступа к ресурсам, которые воспринимаются исследователями как само собой разумеющееся, например в Европе. Языковой барьер и отсутствие инфраструктур (что создают трудности при получении доступа к сети, делают недоступными исследовательские материалы и т. д.) иногда могут быть восприняты археологом с Запада как личные стародавние приключения, полные романтики, хотя на самом деле они служат препятствием для достижения цели и выявления текущих структурных различий между коллегами из так называемого «первого мира» и другими. Большинство из этих факторов не зависят от археологических экспедиций (иногда недостаточно финансируемых) и могут лишь незначительно на них влиять. Общие проекты, однако, по-прежнему являют собой очень положительный высокоинформативный совместный опыт. Они дают возможность не только для обучения, но и для взаимного обмена знаниями и навыками между партнерами, облегчая тем, кто из менее выгодного экономического контекста, доступ к материалам и ноу-хау (как технологическим, так и академическим), которые в противном случае им было бы трудно получить дома. Кроме того, опыт совместной работы с иностранными коллегами из различных стран для молодого студента-археолога, каким был и я сам много лет назад в Помпеях, всегда будет весьма полезен, в то время как страна, которая прежде воспринималась в качестве «страны-донора», например Италия (как отмечается в статье Луки М. Оливьери), «впоследствии всегда будет предметом различных иностранных археологических мероприятий» (Бруно Дженито), и я могу добавить, что теперь они немислимы без каких-либо националистических задач. Это первое, что пришло мне в голову при прочтении подзаголовка книги «Раскапывая прошлое других»: несмотря на то, что мысль редакторов, то есть критика присвоения, ясна, я задался вопросом определения термина «чужое прошлое» – трудно понять это выражение, не погружаясь в его националистический контекст.

Существует два вопроса, которые, по моему мнению, могли бы очень хорошо вписаться в различные темы, обсуждаемые в книге, и в особенности расширить исторически сложившийся подход к обсуждению вопроса актуальности. Одним из них является нынешний эффект спроса на артефакты со стороны «первого мира», являющегося основной причиной полного уничтожения наследия в странах, уже пострадавших от

гуманитарных катастроф (но не только, и, опять же, Италия, к сожалению, является одной из «стран-доноров»). Второе – это весьма обсуждаемая проблема реституции разграбленных объектов и памятников. Особенно в нынешний период возобновления дискуссий о символах, связанных с колониализмом и рабством, на ум приходит случай с Аксумским обелиском, когда трофей диктатора в Риме был возвращен Эфиопии в 2005 году. Если последний вопрос, вероятно, слишком обширный (и, возможно, имеет незначительное влияние в бывших советских республиках) и касается археологов в целом как отдельных лиц и членов сообщества, первый, по моему мнению, является чем-то, с чем мы должны иметь дело больше, поскольку оно имеет отношение к археологии и ее этике. Эту тему можно было бы выбрать для последующего второго тома, продолжая интересную дискуссию, поскольку она представляет собой элемент отношений между экономически развитыми частями мира и другими, все еще находящимися в стадии развития по различным причинам, включающим также вмешательство первых (или вновь устремленных) «мастеров». Даже сегодня некоторые ученые, похоже, не особо заботятся о происхождении «прекрасных произведений», которые было бы хорошо опубликовать или продемонстрировать, ведь все они полностью осознают, что предмет полностью утратил свой контекст или, другими словами, большую часть своей исторической важности. Археологический контекст, памятник, вполне вероятно, был сильно поврежден или даже разрушен во время мародерства людьми, фактически *копающими свое собственное прошлое*, зачастую преследуя те цели, что связаны с внешним спросом. Если в последние десятилетия масштабы мародерства значительно возросли (этот вопрос, конечно, не является новым [см., например, Л. М. Оливьери в этой книге], но его масштаб стал глобальным в наше время), очевидно, что такая «работа» в качестве источника дохода для «туземцев» из стран, находящихся в экономически неблагоприятном положении, является еще одним следствием «постколониальной» эксплуатации (как в случае с ИГИЛ – оппортунистический вандализм на насильственно покоренных территориях, так и в случае Италии – торговля запрещенным товаром).

В книге представлен целый ряд материалов, в том числе очень пронизательные рассказы, написанные учеными, непосредственно связанными с историей некоторых крупных археологических экспедиций 20 века в Западной и Восточной Азии или имеющих опыт в этой области. Они были не только «колониального типа», но стали, особенно

после Второй мировой войны, также примерами альтернативных моделей сотрудничества между равноправными народами. Некоторые из них все еще продолжают, и этот факт знаменует их научный и дипломатический успех по сей день. Критический подход, выбранный редакторами книги, помимо обычных рассказов об истории археологии, заслуживает похвалы. В нем дается новый отчет об археологической этике, а также о событиях и влиянии западных археологических исследований и организаций на азиатские страны, которые ранее были высокомерно определены как «туземцы», ссылаясь на политический аспект, имевший место быть в данной связи.

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ С УЧАСТИЕМ ЕЁ ЖИТЕЛЕЙ: МАУРИЦИО ТОЗИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ И УЗБЕКИСТАНЕ

Джан Лука Бонора

*Международная ассоциация средиземноморских
и восточных исследований (ISMEO), Рим*

Симоне Мантеллини

Болонский университет, ISMEO

СНАЧАЛА небольшая цитата: «Средняя Азия – одно из худших мест для жизни на всей планете из-за ее климата, окружающей среды, зверей! Но её жители... Люди славного прошлого и обворожительного настоящего – с их талантом, интеллектом и невероятной ловкостью – превратили её в золото и мед. Я не люблю находиться в Средней Азии, но я люблю быть с её уроженцами», – мы не знаем точно, были ли эти слова сказаны Маурицио Този, всемирно признанным экспертом по археологии Средней Азии, но что-то похожее было в его сердце.

Маурицио был нашим преподавателем в университете и во время нашего первого опыта учебных полевых практик. В некотором смысле он также был другом и даже намного больше. Мы познакомились с ним в середине 1990-х, когда он руководил кафедрой палеоэтнологии в Болонском университете, в том числе в кампусе в Равенне, где проводил большую часть своего времени с 1999 года. Большинство людей, которые встречались с Маурицио, были поражены его безграничной энергией и харизмой. Мы тоже не стали исключением. Среднеазиатские археологи, историки, водители, рабочие и те, кто вёл свое

Маурицио Този пьет чай на дороге в Сазаган недалеко от Самарканда (2007).

происхождение от великих племенных и военных лидеров Чингисхана и Тамерлана, были очарованы этим «гигантом археологии». Его исключительный научный ум и любопытство привели его через отдаленные земли Америки, Азии, Аравии и Индии к по-настоящему уникальной деятельности, сочетанию работы, любовных отношений и политики, ставших гордиевым узлом, который даже его самые близкие друзья не могли разрубить¹⁰.

В Туркменистане при посещении таких мест, как Меана-Чаача, Алтын-депе или Йылгынлы-де-

пе, и в Маргиане, и во время путешествия по долине Среднего Зеравшана от Саразма (Таджикистан) до Самарканда и далее на запад в пустыню Кызылкум местные жители имели возможность оценить «неофициальные» лекции Маурицио Този на многие темы – будь то научные или личные взгляды на мир. Он всегда обогащал эти разговоры своим глубоким знанием конкретной территории, которую он исследовал, и культуры Центральной Азии в целом. Подобно детективу, Маурицио привлекался для тщательного изучения всех доказательств, деталей и любой другой информации, которая могла бы добавить какой-то светлый и неожиданный результат в исследовательский процесс. Он всегда был готов

¹⁰ *Frenez, D.* 2017. “In Memoriam. Maurizio Tosi, 1944-2017”, *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 47: xxiii.

поделиться открытиями и новой информацией с теми, кто был рядом с ним, независимо от того, был ли это декан университета в Ашхабаде или Самарканде, директор Института археологии Туркменистана или Узбекистана, или просто местный студент, или водитель машины. Вот почему местные были так очарованы интеллектуальным динамизмом Маурицио. В течение многих лет фотография Маурицио висела на стенде в коридоре Института археологии в Самарканде вместе с несколькими другими известными археологами, такими как Карл Ламберг-Карловски, Джеймс Мелларт и Ахмад Хассан Дани.

Его междисциплинарный методологический подход к проблемам прошлого был обогащен огромным знанием древней и современной истории тех стран, где он работал. У каждого создалось впечатление, что он знает гораздо больше, чем кто-либо другой, даже местные историки и археологи, которые десятилетиями изучали и работали над определенными местами и темами. На них сразу же произвела впечатление его способность изучать широкий круг как археологических тем, так и новейших концепций, как теоретических, так и методологических, из ряда других дисциплин.

Местные ученые сразу признали и оценили не только его умение и научную важность, но и его огромную человечность, несмотря на зачастую не слишком дружелюбную личность. Как несколько раз подчеркивал Маурицио, начало его самых важных экспедиций в Средней Азии следует рассматривать в крепкой и укоренившейся дружбе с местными деятелями: Тимур Ширинов, археолог и директор Института археологии в Самарканде (ныне Самаркандский институт археологии Национального центра археологии Академии наук Узбекистана); Вячеслав Мошкало, русский филолог, работавший в Маргиане в начале 1990-х годов, и Мерет Оразов, бывший ректор Туркменского государственного университета, а затем посол Туркменистана в США. Иногда у нас самих возникали мысли о том, что исследовательские кампании в Средней Азии были организованы скорее для того, чтобы проводить время со старыми друзьями и коллегами, а не искать следы человеческого прошлого в этих регионах.

Как часто случалось в Италии, в Средней Азии беседы с Маурицио происходили в самых разных местах, например, среди арбузов, рядом с мясником на базаре, в приёмных больниц или в аэропортах во время бесконечного ожидания рейсов, что бывало обычно в крайне неудобное время в Ашхабаде и Ташкенте. Это незабываемая пора, когда Маурицио подолгу говорил, например, о строительстве Каракумского канала с секретарем

исторического факультета Туркменского государственного университета в приемной своего стоматолога.

Отношения Маурицио с телефоном, не только в Средней Азии, также являются интересной главой его жизни. Его явная ненависть к телефону была пропорциональна его потребности в нем. Он бесконечно пользовался им, чтобы связаться с теми, кого искал. Однако телефонные линии в Средней Азии не всегда работали или были такими же быстрыми, как его воля, поэтому его вынуждали сидеть и ждать в отделениях связи. Однажды время ожидания превысило лимиты на ашхабадском телеграфе, но он не мог позволить своим коллегам из Ашхабада пропустить обед. Поэтому он попросил ресторан неподалеку поставить стол и пять стульев в зале ожидания «Почты и телеграфа». Вскоре после этого появились шашлыки, овощи, лаваш, черный и зеленый чай. Как обычно, офисный работник также был приглашен к столу. Ужин закончился около одиннадцати теплой ашхабадской ночью и через некоторое время связь была восстановлена – именно тогда, когда в Италии было обеденное время.

Маурицио всегда ценил вкусы среднеазиатской кухни и при своих местных коллегах похвально высказывался о некоторых традиционных блюдах, таких как плов, голубцы, овощной суп, мед и даже маленький сырный шарик «курт», стараясь усовершенствовать и сделать из них блюда из пятизвездочного ресторана. Когда коллеги приглашали Маурицио домой, он всегда ходил на базар, чтобы купить подарки и угощение для всей семьи, от маленьких детей до стариков. Разнося подарки, он всегда щедро раздавал советы и рекомендации о лучших способах приготовления пищи по-западному. Вместе с этим он четко осознавал, что не имел тех же знаний о методах приготовления ягненка, козленка или бычьих яиц.

Следует признать заслугу Маурицио Този в том, что он вызвал интерес к археологическим и историческим контекстам, которые пока мало известны. После проведения междисциплинарных экспедиций, организованных советским режимом в Хорезме и Туркменистане в середине XX в., Този запустил обширные региональные проекты и внедрил применение информатики в археологии в столь важном регионе древнего Востока. В экспедициях, которые он возглавлял в Маргиане и Самарканде, участвовали сотни людей, в том числе ученые, исследователи, студенты, водители, повара, рабочие и т.д. Он делился большим опытом, полученным в предыдущие десятилетия в Аравии и Иране. Хотя основной областью исследований Маурицио были доисторические обще-

ства, его подход охватывал широкий круг интересов. Символичным в этом смысле является место Кафир-кала, находящееся близ Самарканда. Первые раскопки в начале 1990-х годов, проводимые самаркандским Институтом археологии, уже показали существование важного доисламского/раннего исламского поселения. Тем не менее, Маурицио интуитивно признал большое значение и потенциальные возможности Кафир-калы в связи с исламским завоеванием Самарканда в начале VIII в. Объясняя место и раскопки Кафир-калы местным жителям или научному сообществу, Този подчеркивал все аспекты исследования, поскольку являлся специалистом в этой области.

«Мастер» Маурицио Този обладал способностью быстрее других мыслить прагматично и понимать важность определенных мест для определенных событий. Точно так же он понимал, что некоторые ученые и студенты могут играть важную роль в археологических исследованиях. Он всегда был готов выразить признательность, симпатию, внимание и благодарность за помощь всем – местным ученым или просто рабочим. Маурицио никогда не отказывал никому в возможности участвовать в его исследовательских проектах и, прежде всего, в реализации их мечты.

Маурицио любил Среднюю Азию и все, что с ней связано. В течение первых сезонов в Узбекистане Маурицио долгое время занимался поиском книг по истории, археологии, географии, природе и прочему, что касается этого региона. Количество книг, приобретенных узбекско-итальянской экспедицией, составило 1500 томов, и они были переданы в дар самаркандскому Институту археологии. Они составили библиотеку Маурицио Този, открытую в прошлом году.

Анекдотов про него – бесчисленное множество. И, если честно, о некоторых из них здесь лучше не говорить. Событий с участием Маурицио также так много, что невозможно вспомнить все. А некоторые ситуации, имевшие место два десятилетия назад, так свежи в памяти, будто это было вчера. Несмотря на выборочный и неполный характер, все эти воспоминания высвечивают подлинное отношение и благородное поведение «мастера» Този по отношению к «коренным» среднеазиатским археологам (и друзьям).

Слушая его рассуждения в пути, будь то в Самарканде, в предгорьях к северу от Копетдага, в Зеравшанской долине или в песчаных дюнах Каракумов и Кызылкумов, сразу же возникает желание направиться туда и глубоко погрузиться в материал.

Мы учились, работали и путешествовали с Маурицио, защищаясь от его желания самому по себе и «быть путешественником», и мы считаем, что

научились путешествовать, думая о своих собственных делах рядом с ним.

Это очень короткая история Маурицио Този. Говоря об общепринятых стандартах, ничто в повседневной жизни Маурицио не было *нормальным*. Однако он поспорил бы на этот счет, задаваясь вопросом, что является «нормальным», «обычным», не так легко принимая чьи-либо аргументы. Несмотря на то, что его жизнь была полна крайностей, он учил нас, что никогда не бывает «черного» или «белого» и мы должны исследовать любой промежуточный оттенок.

ПЕРСПЕКТИВЫ НА ВОСТОКЕ ПОСЛЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Карло Липполис

*Центр археологических раскопок
Туринского университета*

ОДНИМ из наиболее захватывающих исторических периодов, безусловно, является тот, что следует за завоеваниями Александра Македонского в восточных регионах. На стадии его формирования (VI в.) греческая цивилизация многое позаимствовала у Египта и Ближнего Востока. Впоследствии, особенно после 330 г. до н. э., происходит обратный процесс, в результате которого Греция оказывает сильное культурное влияние, в первую очередь, на Анатолию, Финикию, Египет, Персию и, во-вторых, на Месопотамию и Центральную Азию.

Однако в связи с прочными местными традициями Востока это «культурное влияние» трансформируется и углубляется путем создания новых художественных языков, уважения местных традиций, религий и идеологий. Это процесс, который продлится в течение тысячелетий в Сирии и Центральной Азии вплоть до Индии. Следовательно, данное явление не стоит воспринимать как результат навязывания цивилизации победителей (как, возможно, иногда предполагается согласно «средиземноморской» или «западной» точке зрения). Однако, следует признать, что чудо, представленное эллинистическим греческим искусством на восточных территориях, заключалось в том, чтобы открыть плодотворный диалог, зная, как удовлетворить потребности других культур и цивилизаций, а также свои собственные (А. Инверницци).

Необходимо также не забывать о местной специфической способности активно усовершенствовать этот новый художественный язык. Язык, который понимается как выразительное

средство новых доминирующих групп, будет использоваться парфянами, саками и кушанами для выражения своего политического престижа, самобытности и форм религиозности.

Отказавшись от первоначальной колониалистской позиции с разделением между цивилизованными центрами (то есть колониями) и варварской периферией, мы недавно сосредоточились на мультикультурной мозаике, состоящей из взаимосвязанных элементов. Взаимные и чередующиеся влияния («культурные трансферы») были в последние десятилетия центром большой серии исследований, направленных на понимание роли материальной культуры в этом процессе аккультурации.

И часто говорят, что завоевание Македонии (особенно во времена царствования Селевкидов и Птолемея) привело к общему феномену аккультурации, проявившемуся в разделении культурного *койне* (П. Лериш). Аккультурация – это постколониальная концепция, пока не полностью нейтральная, поскольку она все еще подразумевает превосходство одной культуры над другой в узком смысле (следовательно, диффузионистская динамика). В то же время концепция эллинизации остается сомнительной сегодня, по крайней мере, для некоторых регионов ойкумены.

Понятие «эллинизированный Восток», придуманное Даниэлем Шлюмберже в одном из его виртуозных сочинений, функционировало для группировки и замены проблемных определений, таких как «греко-римское искусство», «греко-буддийское искусство», «римско-буддийское искусство», «гандхарское искусство», «парфянское искусство» и т. д.

Этот великий ученый предложил нам отказаться от историографической перспективы македонского завоевания, рассматриваемого как «эфмерное перетекание цивилизованного

мира», но он также подчеркнул бесспорную индивидуальность и оригинальность этого важного феномена, именуемого «несредиземноморским эллинизмом» (примечание: с двойной ссылкой, опять же, на западный мир).

Самые последние исследования направлены на то, чтобы начать с новых ракурсов: во-первых, это очень сильная связь, которая со времен бронзового века связывает Ближний Восток и Центральную Азию со Средиземноморьем. В данном случае культурная динамика должна изучаться, исходя из этих тысячелетних контактов и связей, а не с исторической точки зрения «завоевания» (как военного, так и культурного).

Второй момент (как недавно заявил М. Дж. Верслойс) – это предложение отказаться от концепции аккультурации, которая предполагает понятия «я» и «другой»: обе культурные категории не всегда могут быть (особенно в поздней эллинистической эпохе) «оппозиционными» по отношению друг к другу. Кроме того, при изучении материальной культуры концепция аккультурации, исходящая из предположения о том, что определенный стиль / тип характерен для конкретной культуры / группы и, следовательно, что существует связь между типовой этнической принадлежностью и типовой идентичностью, сегодня более не считается надежной.

Поэтому предлагаемое направление исследований, длящееся на протяжении многих лет, состоит не в том, чтобы исследовать художественные и архитектурные следы колонизаторов (правителей или «мастеров»), а скорее результат взаимосвязей и межкультурного обмена, чьи факторы (внутренние или внешние) имеют равные вес и важность, чтобы подчеркнуть социокультурную динамику, которая привела к плодотворным местным процессам повторного становления древних и новых традиций.